

Л. М. Мкртчян

АВЕТИК ИСААКЯН И СИМВОЛИЗМ

Творчеству Аветика Исаакяна, крупнейшего поэта Армении, посвящено множество статей и исследований, и все-таки нашему литературоведению многое предстоит еще сделать. Почти не изучены частные вопросы творчества Исаакяна, имеющие важное значение для правильного понимания его творческого пути. Поэтому сейчас, когда отмечается 90-летие со дня рождения Исаакяна, хочется написать об одной спорной и малоизученной проблеме творчества поэта.

О влиянии поэтов-символистов на стихи Аветика Исаакяна говорил еще в 1901 году Юрий Веселовский. Затем эта же мысль в разной форме высказывалась В. Брюсовым, П. Макинцяном, В. Кирпотинным (30-е годы), отчасти О. Ганаланяном и некоторыми другими литераторами, писавшими об Аветике Исаакяне. Говорилось в литературе и о том, что Исаакян не был связан с поэзией символизма (Н. Тихонов, В. Кирпотин¹, А. Инджикян, Эд. Топчян и другие). Недавно небольшая полемика об отношении Исаакяна к символизму возникла на страницах «Гракан терт» («Литературная газета») от 26 февраля и 12 марта 1965 года.

Замечание о влиянии символизма на творчество Исаакяна высказывалось всегда в общей форме и никогда не было сколько-нибудь развернуто аргументировано. В высказываниях, относящихся к началу века, связь Исаакяна с символизмом не оценивалась как нечто отрицательное, хотя П. Макинцян писал, что, как ему кажется, «символистические песни менее всего удалась ему (Исаакяну.—Л. М.) именно потому, что для них он не черпал сил из могучего источника народного языка и духа»².

В литературе 30-х годов и в литературе последних лет говорится о связи Исаакяна с символизмом как об упадническом, отрицательном влиянии, испытанном Исаакяном в начале XX века и особенно в годы реакции, последовавшей после первой русской революции.

Поэтому, когда теперь говоришь о том, что Исаакян не был связан с символизмом, это иногда воспринимается как стремление «уберечь» Ав. Исаакяна от влияния упаднической школы, приукрасить творческий путь поэта.

Но отнюдь не из желания «подновить», «подправить» Аветика Исаакяна приходится говорить о его неприятии символизма, о том, что

¹ См. статью В. Кирпотина «Поэзия нравственного здоровья» в газ. «Коммунист» от 30 октября 1955 года.

² П. М а к и н ц я н. Аветик Исаакян. В книге: Ав. Исаакян, Цветы Араза, Москва, 1907, стр. IX.

он не был связан с этой школой. Утверждение о связи Исаакяна с символизмом не проверяется материалом его творчества. В этом все дело. Не отделяя Брюсова, Блока и Бальмонта от школы символизма, говорим же мы о выдающемся значении их творчества для русской поэзии.

Возникла в литературе по этому вопросу некоторая путаница и потому, что по-разному понималась природа символизма разными литературоведами. Нет, к сожалению, сколько-нибудь общепринятого определения школы символизма. И вообще о символизме часто пишут путанно и неопределенно.

Принадлежность того или иного поэта к школе символизма иногда грубо определяют по наличию упаднических, пессимистических настроений. Мотивы безысходности и крайнего разочарования могут быть присущи поэтам, не связанным с символизмом. А между тем связь Исаакяна с школой символизма пытаются иногда установить, указывая на мрачные, безрадостные настроения поэта.

В стихах армянских поэтов всегда было много боли и горестных раздумий, выражающих трагедию народа. «Вселенскую скорбь я почувствовал и понял через великое горе армян», — писал Ав. Исаакян. И не печатью символизма отмечены стихи поэта, как иногда утверждают, а печатью той трагедии, которую переживал армянский народ, печатью того народного горя, о котором писал другой великий поэт, Ованес Туманян:

Армянское горе — безбрежное море,
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.

(Пер. В. Брюсова).

Горе народа — вот что омрачало песни поэта, наполняло его стих горечью и болью. И сам Аветик Исаакян в одном из стихотворений 1908 года писал, что именно так надо понимать его скорбь:

О горстка пепла — сырый мой народ,
Я кровью сердца о тебе пишу,
Мне боль твоя, как пламя, душу жжет,—
Я в сердце раны родины ношу.
Летать хотел бы с птицей наравне,
Любить, мечтать... но цепи нележки.
Гнетет ярмо народа плечи мне.
Нет, не понять тебе моей тоски.
Великим гневом болен навсегда,
Я сам себя сгублю тем ядом... Что ж,
Пусть я умру, исчезну без следа,—
Моей смертельной скорби не поймешь...

Оказалось, что не только та, к которой обращены стихи, не поняла скорбных песен Исаакяна; не поняли их, к сожалению, и некоторые критики поэта.

Общую удачную картину связи русских поэтов-символистов с западноевропейским символизмом находим у Ан. Тарасенкова. «Ориентировке на отечественную традицию Брюсов, Бальмонт, Сологуб, Белый противопоставили,— писал Ан. Тарасенков,— учебу у французских символистов — Бодлера и Верлена по преимуществу. Верлен с его знаменитой формулой «музыки, музыки прежде всего» стал эстетическим знаменем новой художественной школы. «Перезвоны благозвучий», как их назвал К. Бальмонт, подчеркнутое внимание к формальным изыскам становится у русских символистов весьма важным элементом искусства. От Бодлера русские символисты, наряду с усвоением его чеканной эстетизированной формы стиха, заимствовали демонические мотивы, его восхищение перед мраком, сложностью, загадочностью «бездны», которые в его творчестве выступают в качестве существенных черт действительности. Наконец, немаловажное влияние на русских символистов — и на А. Белого, в частности,— оказала философия и творчество Ницше с его подчеркнутым антисоциальным эгоцентризмом, утверждением «прав личности и религиозной идеей «вечного возвращения».

К этому перечню можно прибавить еще и других западноевропейских символистов — и Малларме, и Пшибышевского, и Меттерлинка, оказавших на отдельных русских символистов большое влияние»³.

Конечно, русский символизм имел и ряд других весьма существенных особенностей⁴. Ан. Тарасенков верно здесь отмечает, что именно заимствовано русской школой символизма у своих западноевропейских собратьев. Можем ли мы обнаружить подобные или какие-либо другие — слабые или иначе выраженные — нити, связывающие стихи Ав. Исаакяна с западноевропейским символизмом? Можем ли мы говорить о его связи с русским символизмом?

Думается, что нет.

Чем же тогда объяснить позиции тех критиков, которые считают, что Исаакян испытал влияние символизма? На этот вопрос должны были ответить сами критики, им следовало бы обосновать, раскрыть тезис о связи Исаакяна с символизмом. Но, к сожалению, это не было сделано ни в начале века, когда впервые была высказана версия о связи Исаакяна с символизмом, ни теперь, когда по инерции все еще пишут о влиянии символистов на стихи Исаакяна.

Юрий Веселовский хотел быть доказательным, когда писал о тех стихах Исаакяна, которые «получают окраску в духе западноевропейских символистов и вообще—сторонников новых течений в сфере литературы и искусства»⁵. После цитированных слов Веселовский называет два стихотворения Исаакяна — «Зима» (1892) и «Туман распростер свои крылья...» (1903). Но в чем сказывается связь этих произведений с символизмом? На этот вопрос Ю. Веселовский не отвечает. Обращаясь

³ Ан. Тарасенков, *Поэты*, Москва, 1956, стр. 278.

⁴ См. Л. Гинзбург, *О лирике*, Москва, 1964, стр. 255—267.

⁵ «Армянская муза», Москва, 1907, стр. 15.

к самим стихам, можно отметить, что это мрачные по своему характеру произведения. Но нельзя же на этом основании относить их к символизму. А других каких-либо признаков, сближающих эти стихи с символизмом, нет.

И по языку и по образам упомянутые Ю. Веселовским стихи находятся в русле традиций армянской поэзии. А стихотворение «Туман распростер свои крылья...» свидетельствует о фольклорных истоках языка Исаакяна. Это легко заметить, прочитав стихи в подлиннике (переводы, особенно старые, сделанные в начале века, могут ввести читателя в заблуждение):

*Մութն կկամ, թևը փռեց,
Մութը ծածկեց, մերի՛կ ջաս.
Ախ, հմ դարդը ուրուրի պես
Սիրտս կերամ, մերի՛կ ջան...*

*Կուզեմ շքիմ, կուզեմ կորիմ,
Փոթորիկի մեջն րնկնիմ, —
Փոթորիկին խեղճ սիրտս տաս,
Չար ուրուրեն ազատվիմ:*

*Ու դիտ՛կու թո՛ղ, մերի՛կ ջան,
Մութը նևտե ծեռ փիին. —
Սիրտս՝ հար չանե, սիրտս՝ անդարդ
Ընկնեմ էն լուռ, լեռ փիին...*

Никто не может утверждать, что лирика Аветика Исаакяна по своему стилю, по своей поэтике связана с символизмом. К. Григорьян, считая «не правыми тех, кто зачисляет Исаакяна в символисты», все-таки допускает, что он, Исаакян, «в известной степени несомненно испытал влияние общеевропейского движения символизма». Но когда речь идет о поэтике Исаакяна, Григорьян тут же оговаривается. «Что же касается эстетической системы Исаакяна,— пишет он,— то истоки ее достаточно ясно обозначены национальными традициями, и трудно отыскать нити, связывающие ее с поэтикой символизма»⁶.

П. Макинцян в предисловии к русскому сборнику Ав. Исаакяна «Цветы Араза», соглашаясь с мыслью Ю. Веселовского о том, что есть у Исаакяна «символистические песни, написанные под влиянием новейших европейских поэтов», считал, однако, что не следовало включать эти песни в «Армянскую музу» — сборник, где были опубликованы упомянутые Веселовским стихи «Зима» и «Туман распростер свои крылья...», «Русская публика, прекрасно знакомая с Ницше и другими символистами,— писал П. Макинцян,— в этих стихах не найдет ничего оригинального...»⁷.

⁶ К. Григорьян, Творческий путь Аветика Исаакяна, Москва, 1963, стр. 143—145.

⁷ П. Макинцян, Предисловие к сборнику: «Аветик Исаакян, Цветы Араза», Москва, 1907, стр. III—IV.

Казалось бы, П. Макинцян не поместит в «Цветах Араза» стихотворения «Зима» и «Туман распростер свои крылья...», не поместит потому, что они воспринимались Ю. Веселовским как символистические. Но оба этих стихотворения, теперь уже в переводах других поэтов, мы находим в «Цветах Араза», так как эти стихи Макинцян не считал символистическими. А какие другие стихотворения поэта он имел в виду, об этом ничего у него не сказано. Символизм Аветика Исаакяна Макинцян связывает с философией Ницше. Об этом писали позже и другие литературоведы, ссылаясь, как правило, на знаменитую поэму Исаакяна «Абул Ала Маари» (1909). До 1909 года (поэма «Абул Ала Маари» тогда еще не была написана) говорили о влиянии Ницше на Исаакяна, указывая на те стихотворения поэта, в которых он воспеваает энергичную, сильную личность, не имеющую, однако, ничего общего с «героем» Ницше и ницшеанцев. («В бездне бед житейского моря, как скала, я крепко стою...», «Вселенский колокол», «Мой дух был грозой нависшей в дали...»). А. Микаэлянц даже писал, что Исаакян, «подобно своему учителю, представляет себя сверхчеловеком, который спустился к толпе с новым заветом и пророчествами, чтобы язвить ее и гореть вместе с ней»⁸. А вот сами стихи, изложенные Микаэлянцем своими словами и приводимые им как доказательство:

И вот я спускаюсь к толпе и несу
Иные заветы и иную скрижаль.
Я в душу толпы устремляюсь мечтой,
Чтоб жечь ее песней и словом карать,
И плакать и пламенным сердцем сгорать.

(Пер. Б. Садовского).

Ни о каком сверхчеловеке-ницшеанце нельзя, конечно, говорить на основе этих или других подобных стихов поэта.

Дело в том, что в начале века вообще модно было писать о влиянии Ницше на литературу, модно было усматривать его влияние во всем, что даже чисто внешне и очень приблизительно могло напоминать учение Ницше.

Известно, что Исаакян воспринимал как очень близкие себе ранние произведения М. Горького. «Максим Горький,— писал он,— чудесно выражал... мои мысли и чувства и стал моим любимейшим поэтом». Небезынтересно в этой связи отметить, что в некоторых ранних произведениях Горького тоже видели влияние Ницше. «Критика упрекала меня за то,— писал Горький,— что я будто бы «романтизировал босяков», возлагал на люмпенпролетариат какие-то неосновательные и несбыточные надежды и даже приписал им «ницшеанские настроения». «Романтизировал»? Это едва ли так. Надежд не возлагал никаких, а что снабдил их, так же как Маякина, кое-чем от философии Ницше — этого я не

⁸ А. Микаэлянц, Аветик Исаакян. В сборнике: «Современные армянские поэты», Москва, 1903, стр. 81.

стану отрицать. Но и не утверждаю, что в обоих случаях действовал сознательно...»⁹.

Это утверждение М. Горького нельзя не рассматривать сегодня критически, что вполне понятно, так как и критика сегодня не та, которой отвечал Горький, и имеется целый ряд работ, в новом свете и на новом материале объясняющих творчество великого писателя.

Не утаивая высказывание Аветика Исаакяна о том, что на него «сильнее всего повлияли Ницше и Гейне»¹⁰, мы должны критически отнестись к тем статьям дореволюционной критики об Исаакяне, в которых произведения поэта безосновательно сближались с Ницше.

Известно, что философия Ницше была очень популярна в начале века, известно также влияние его учения на символистов. Казалось бы, увлечение молодого Исаакяна философией Ницше свидетельствует в то же время и о его причастности к символизму. Но это далеко не так. Увлечение Исаакяна книгами Ницше имело совершенно иной, чем у символистов, характер. Совершенно бесспорно, что чтение Ницше не привело его к символизму. Можно привести другой, более яркий пример, когда страстное увлечение Шопенгауэром и Ницше не привело Томаса Манна к литературе декаданса, «как художник Томас Манн был последовательным реалистом»¹¹.

«Из эстетических воззрений Ницше символисты черпали еще более резкий, чем у Шопенгауэра, алогизм...— пишет В. Асмус.— Уже в этих учениях эстетические идеи неотделимы от учения о необходимости рабства и иерархического и авторитарного построения общества, от прославления хищнической войны и от концепции «благородных рас»¹².

Надо ли говорить, как все это решительно далеко от творчества Исаакяна. Да и не ко всем символистам приложимы эти слова. Свое отношение к этой хищнической стороне учения Ницше поэт выразил в одном из стихотворений 1905 года:

Враждует с человеком человек,
Друг против друга точит меч весь век.
Я опускаю меч звенящий мой,
Я не вступлю в несправедливый бой.

Я хлеб у бедняка не отниму,
Заботы не прибавлю никому,
Я опускаю меч звенящий мой,
Я за себя вступать не стану в бой.

(Пер. В. Звягинцевой).

⁹ М. Горький, Собрание сочинений, том 25, Москва, 1953, стр. 322.

¹⁰ Из письма Юрию Веселовскому. См. Ю. Веселовский, Русское влияние в современной армянской литературе. Москва, 1909, стр. 25.

¹¹ Н. Вильмонт, Художник как критик. В книге: Томас Манн, Собрание сочинений, том 10, Москва, 1961, стр. 624.

¹² В. Асмус, Философия и эстетика русского символизма. Литературное наследство, Москва, 1937, стр. 8.

Аветик Исаакян никогда не увлекался антигуманистическими идеями философии Ницше. Нет в его творчестве и следов эстетики немецкого философа. Он увлекался Ницше как автором афоризмов. Об этом говорил Ав. Исаакян исследователю своего творчества Араму Инджикяну. Вместе с тем он находил в его работах формулировки, которые понимал по-своему и в которых видел выражение близких ему идей (а они, эти идеи, далеки от реакционной сути философии Ницше).

«Не иди к людям — иди в пустыню, к зверям». Эти слова Ницше Исаакян приводит как эпитафия к своему стихотворению «Растерянно дикие утки взлетели...»¹³. Бесспорно, что в этой формулировке Ницше Исаакян не мог видеть презрения к человеку вообще, звериной ненависти к нему.

«Если истинны слова «по плодам их узнаете их», то для Ницше нет извинения», — писал Томас Манн¹⁴. Плодом философии Ницше был фашизм. Но сам Томас Манн видел в Ницше не только то, что было подхвачено фашизмом; великий писатель и антифашист находит у Ницше мысли, которые трактует по-своему и сочувственно¹⁵. Пусть это он делает иногда субъективно, важно здесь указать на самый факт иного, бесконечно далекого от звериной идеологии фашизма, понимания некоторых мыслей Ницше¹⁶.

Обращаясь к лирике Исаакяна, нетрудно заметить, что его уход «в пустыню, к зверям», его собственные сентенции, близкие к цитированным словам, связаны с тем, что мир так жестоко несправедлив и неустроен; уход поэта не бегство, а протест против социальной несправедливости, против нечеловечности мира социальных контрастов. Именно эти настроения нашли свое выражение в ряде стихотворений Ав. Исаакяна 900-х годов и особенно в его поэме «Абул Ала Маари»

В пустыню иди ты, мой караван! в безлюдный, и в дикий, и в знойный край!
Под грозной стеной медно-рыжих скал там сделай привал, меж зверей отдыхай!

¹³ См. К. Григорьян, Творческий путь Аветика Исаакяна, Москва, 1963, стр. 144.

¹⁴ Томас Манн, Собрание сочинений, том 10, Москва, 1961, стр. 380.

¹⁵ См. в указанном томе собрания сочинений Томаса Манна его статью «Философия Ницше в свете нашего опыта», стр. 346—391.

¹⁶ Об этом же интересно пишет Н. Вильмонт. «Ненависть Ницше к тусклой буржуазной действительности, — читаем у него, — была так велика, что порою ему диктовала философские афоризмы, столь двусмысленные, что они с успехом могли бы быть использованы в качестве революционных лозунгов врагами правящих классов. «Чем скорее люди научатся умерщвлять то, что бесспорно подлежит умерщвлению, — писал Ницше, — тем меньше у них останется поводов для умерщвления себе подобных. Чем... напряженнее они будут стремиться к величию, человеческому величию, тем смехотворнее им станут казаться времена, когда силу человека измеряли мощью его мускулов или накопленным запасом пороха и стали».

Вопрос только в том, — продолжает Н. Вильмонт, — что и кого признать подлежащим уничтожению?» (Н. Вильмонт, Художник как критик, в книге: Томас Манн, Собрание сочинений, том 10, Москва, 1961, стр. 624).

Так говорит Абул Ала Маари, он стремится «в пустыню, к зверям», но какой жаркой, глубокой ненавистью к социальным порокам дышит слово поэта. Нет у него разлада с миром человеческим, он в разладе с миром, поправшим все человеческое, святое, и в яростном гневе своем отвергает именно этот мир:

Вперед, караван! что кинули мы, чтоб глядеть, сожалея, на жизнь прошлых лет?—
 Так в душе сам с собой говорил с тоской Абул Маари, великий поэт.—
 Что за нами осталось, о мой караван! чтоб вернуться назад в отчизну свою?
 Покинули мы друзей и жену? богатство и славу, родных и семью?
 Покинули мы людей и народ? закон, справедливость, отчизну, права?
 Иди и не медли! покинули мы лишь оковы и цепи, обман и слова!

Вот от чего бежит поэт — это оковы и цепи, это обман и слова! Он уходит, потому что нет законов и справедливости, нет даже отчизны, которая служит «богачам тучным пастбищем». В таком именно смысле и понимал Исаакян призыв «Не иди к людям — иди в пустыню, к зверям»¹⁷. И он «уходил» с болью за людей и с великой любовью к ним. «Уходил» от людей и герой М. Лермонтова. Вспомним его «Пророка»¹⁸:

Провозглашать я стал любви
 И правды чистые ученья:
 В меня все ближние мои
 Бросали бешено каменья.
 Посыпал пеплом я главу,
 Из городов бежал я нищий.
 И вот в пустыне я живу
 Как птицы, даром божьей пищи...

У Исаакяна, как и у Лермонтова, «уход» из жизни был, по существу, вмешательством поэта-гуманиста в жизнь, его протестом. И разве не о таком, «исаакяновском» уходе из мира говорит один из героев А. Н. Радищева? В «Путешествии из Петербурга в Москву» в главе «Чудово», рассказав о равнодушии и безучастности властей к судьбе людей, попавших в беду, герой Радищева восклицает: «Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие — грызть друг друга; отрада их — томить слабого до издыхания и рабелепствовать власти. И ты хотел, чтоб я поселился в городе.

Нет, мой друг... заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно»¹⁹.

¹⁷ О том, что «Абул Ала Маари» Ав. Исаакяна, при некоторой внешней похожести на работу Ницше «Так говорил Заратустра», по сути своей противостоит этой работе философа, и о том, что вообще поэма далека от нищестанства, убедительно пишет Эд. Джрбашян. См. Эд. Джрбашян, Поэмы Туманяна (на арм. яз.), Ереван, 1964, стр. 447—458.

¹⁸ О близости некоторых мотивов «Абул Ала Маари» поэзии М. Лермонтова пишет К. Григорьян. См. К. Григорьян, Творческий путь Аветика Исаакяна, Москва, 1963, стр. 140—142.

¹⁹ А. Н. Радищев, Избранные сочинения, Москва—Ленинград, 1949, стр. 88.

Протест против конкретных людей перерастает здесь в протест против человека вообще, герой Радищева хочет уйти туда, где неизвестно даже имя человека. Но в этом обобщении меньше всего отрицается человечество в целом. Это прием, позволяющий с особой силой обличать конкретное зло, конкретного человека. Для поэмы Аветика Исаакяна «Абул Ала Маари» особенно характерен этот прием обобщения, на таких обобщениях построена вся поэма, потому и кажется, что она направлена против человека и человечества.

Аветик Исаакян сообщал одному из своих исследователей, что его поэма «Абул Ала Маари» — опосредствованное выражение как его личных переживаний, так и бедствий армянского народа, «бедствий, перед которыми забываются личное горе и боль». «Не обязательно,— писал поэт,— чтобы я пел погромы и резню и так показывал свое горе (после Сиаманто трудно это делать), однако рецензенты русского и немецкого перевода «Абул Ала Маари» писали, что только армянин может быть таким крайним пессимистом, только необъяснимые, возмутительные погромы могли так омрачить человеческую душу, душу армянина...».

Эпоха реакции, наступившая после революции 1905 года, дала Исаакяну материал для еще более хлестких и мрачных характеристик человека и человеческого общества, однако особенно важно подчеркнуть именно то, что поэма «Абул Ала Маари» навеяна трагедией, которую переживал армянский народ, и поэтому было бы грубой ошибкой рассматривать поэму как дань Исаакяна реакции.

Из всего сказанного и из конкретно-исторического рассмотрения поэмы «Абул Ала Маари» видно, что и Валерий Брюсов ошибался, считая, будто в этой поэме Исаакяна «особенно явно сказывается влияние символического периода литературы»²⁰. Ссылкой на «Абул Ала Маари» В. Брюсов как бы подтверждал свой общий тезис. «Благодаря сближению с европейскими литературными кругами,— писал он,— Исаакян испытал воздействие того «символистического движения», которое властно захватило всю европейскую литературу в конце XIX в., хотя, впрочем, оно отразилось на творчестве армянского поэта только в своих основных чертах, скорее как мировоззрение, чем как литературная программа»²¹.

Некоторым литераторам кажется, что цитированные слова В. Брюсова все объясняют в споре об отношении Аветика Исаакяна к символизму. Однако это высказывание нуждается в проверке стихами Исаакяна, его творчеством, нуждается потому, что высказано оно в общей форме, без достаточной аргументации. Было бы, конечно, ошибкой, преклоняясь перед авторитетом Брюсова, считать его тезис бесспорным. Тот, кто хочет исходить из этого тезиса, обязан подумать о его раскрытии, о его обосновании.

²⁰ В. Брюсов, *Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков*. В книге: *Поэзия Армении*, Москва, 1916, стр. 80.

²¹ Там же, стр. 79.

Надо соглашаться с В. Брюсовым серьезно, а не так, как это недавно было сделано. В аллегорическом рассказе о верности в любви «Опечаленный аист» и в рассказе о смерти Чингис-хана, о его жестокой, черствой душе и его жизни, бессмысленно прожитой без чувств и без любви, вдруг обнаружили «воспевание нездоровой любви», «эротические мотивы в духе поэтов-символистов» («Гракан терт» от 12 марта 1965 года). На самом же деле не только «в духе символистов», но вообще нет никакого эротизма и нездоровой любви в этих рассказах. «Обоснование» связи Исаакяна с символизмом в таком вот «духе» ничего общего не может иметь с тем, что писал об Аветике Исаакяне Валерий Брюсов.

Говоря о том, что символизм сказался в творчестве Ав. Исаакяна как мировоззрение, В. Брюсов, как и его предшественники в этом вопросе, имел в виду, по всей вероятности, влияние Ницше на Исаакяна. Однако мы видели, что нельзя, неправильно через Ницше сближать Исаакяна с символизмом. Чтение работ Ницше не привело молодого Исаакяна к увлечению символистами.

Любопытно, что в письме к Ю. Веселовскому, написанному около 1908 года, когда символизм был в расцвете, Аветик Исаакян не называет ни одного символиста, которым бы он увлекался. А ведь это письмо было его ответом Веселовскому на вопрос о том, кто из писателей ему близок и кто оказал на него влияние. Из русских писателей Исаакян назвал Лермонтова, Гоголя и Достоевского. Из зарубежных — Ницше и Гейне. (Характерно, что рядом с Ницше Исаакян называет Генриха Гейне). Символисты в России были знамениты именно в эти годы, и если бы Исаакян увлекался ими, надо полагать, он бы написал об этом.

Есть письма Аветика Исаакяна, в которых он прямо говорит о своем глубоко отрицательном отношении к символизму и к символистам. 31 января 1926 года, будучи в Венеции, Ав. Исаакян писал одному из своих исследователей: «Согласен с Вами, прозвище «ашуг» я воспринимал не как иронию, а как достоинство. К. Наапет тоже был ашугом, и Саят-Новва. О если бы я был причастен к их величию и славе...

Дорогой друг, скажите, пожалуйста, чтобы именоваться поэтом, почему надо следовать Верлену или Малларме, Верхарну или Ал. Сямену, заимствовать их формы и мотивы и хвастаться этим, и почему надо попирать того, кто следует вековым творениям армянского гения с той верой, что продолжает самобытную традицию, наше самобытное мироощущение и мировосприятие?..

Я родился в мире, который был во всем армянским. Ширак, где каждый уголок отмечен печатью армянского. Ани... И все вокруг армянское — песня, язык, танцы, мудрость; это страна, где собирались армяне всех областей: рядом с жителем Хоя — ерзынкиец, рядом с мушцем — житель Карина, Вана и даже Арабкира. Зачем же я должен был противиться тому, на что вдохновляла родная земля?

В раннем возрасте (18 лет) я поехал в Европу учиться, и не было ни одного дня, чтобы я вдохновился поэзией Шарля Бодлера, его стихи на

самом деле были для меня «цветами зла». Меня пленяли те поэты, в творчестве которых была национальная, фольклорная стихия — Г. Гейне, Гете, Роберт Бернс. Никогда — Эдгар По, никогда — Малларме, ненавижу их...

Прообраз моей лирики народная песня нашего и других народов, и — по моей теории — самая совершенная лирика — песня народа. Что пришло после — ремесло, искусство, фокусы, техника. В лучшем случае — риторика, ораторствование».

Разве не ясно, что это письмо противника символизма, что взгляды Исаакяна, выраженные им здесь, характеризуют его как поэта очень и очень далекого от модернистических школ и течений? В другом своем письме, от 20 мая 1925 года, Ав. Исаакян сетует на «общество, которое увлекается мертвым символизмом и боодушевляется футуризмом», и тут же он добавляет: «Бессмертен реализм — Гомер, Сервантес, Гете, Толстой, Достоевский, а не Бодлер или Оскар Уайльд».

Аветик Исаакян — как в русской поэзии XX века Иван Бунин — с презрением говорит о модернизме в литературе. Он верен в поэзии фольклорным истокам своего творчества.

Есть у Исаакяна рассказы и стихотворения в прозе, написанные на основе народных легенд и преданий. В этих произведениях сохранены условность языка легенд и особенности народного мировосприятия. Это, конечно, не реалистические произведения, они написаны в традициях народных легенд и романтической литературы. Известно, что и символисты обращались к фольклору. «Но подход символистов к фольклору и преданию был подходом узко-стилизаторским, — пишет Ал. Дымшиц в статье о прозе Исаакяна. — В материалах старины их привлекала прежде всего эстетическая форма, тогда как Исаакяна, писателя с живой душой, со здоровой народной основой, влекло к фольклору прежде всего его этическое содержание, находившее себе выражение в соответственной эстетической форме. Меньше всего можно отнести Исаакяна к разряду стилизаторов. Он никогда не останавливался перед эстетическим очарованием фольклора, он проникал в его этическую сердцевину»²².

Версия о связи Аветика Исаакяна с символизмом обязана своим возникновением и ранним русским переводам из Исаакяна, тем переводам, в которых армянский поэт подгонялся под поэтику русского символизма. Об этом мне уже приходилось писать²³.

Заканчивая статью, хочется еще раз подчеркнуть, что, отвечая на вопрос об отношении Аветика Исаакяна к символизму, нет никаких оснований говорить о сочувственном отношении поэта к этой школе, о том, будто он испытал ее влияние.

Замечу, наконец, что высказывания Ав. Исаакяна о символизме объясняют скорее самого Исаакяна, чем собственно символизм, или та-

²² Аветик Исаакян в русской критике, Ереван, 1961, стр. 132—133.

²³ Л. Мкртчян, Аветик Исаакян и русская литература, Ереван, 1963.

ких поэтов, как Верлен и Малларме, о которых историки литературы, естественно, пишут иначе, чем Исаакян—Варпет, мастер поэзии, по своим творческим принципам противостоящий символизму и некоторым творчески не близким ему, Исаакяну, знаменитым поэтам.

Լ. Մ. Մկրտչյան

ԱՎԵՏԻՔ ԻՍԱՀԱԿՅԱՆԸ ԵՎ ՍԻՄՎՈԼԻՉՄԸ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հողվածում արծարծված խնդիրը կարևոր է մեծ բանաստեղծի գեղարվեստական մեթոդի և աշխարհայացքի մի քանի էական կողմերը ճիշտ լուսաբանելու տեսակետից: Բանն այն է, որ դեռևս դարասկզբին արտահայտված, այնուհետև կրկնված, բայց երբեք չհիմնավորված կարծիքը Բսահակյանի սիմվոլիզմի մասին որոշ քննադատներ պաշտպանում են նաև այսօր: Ընդ որում, հիշյալ կարծիքի կողմնակիցները ելնում են սիմվոլիզմի այն միակողմանի, բացասական գնահատականից, որ տրվել է գրական այդ ուղղությանը գոհնիկ սոցիոլոգիզմի տիրապետության ժամանակաշրջանում:

Հողվածում ցույց է տրվում, որ Բսահակյանը մոդեռն, դեկադենտական ուղղությունների ամենատարածված ժամանակաշրջանում իսկ իր ստեղծագործության ոգով ու պաթոսով հավատարիմ է մնացել ժողովրդայնության և հումանիզմի սկզբունքներին և որ սիմվոլիզմը իր հիվանդագին արտահայտություններով, և հատկապես նիցշեիզմը խորթ են եղել նրա ստեղծագործության էությանը: